

Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина

РУССКАЯ НАСЛЕДНИЦА ПЕСТАЛОЦЦИ:
ЕЛЕНА АНТИПОВА (1892–1974) И ЕЕ УЧИТЕЛЯ*

В интеллектуальной истории России XVIII–XX столетий Швейцария занимает особое и своеобразное место. Преобразовательная деятельность Петра I стимулировала процесс внутренней колонизации Российской империи и тем самым открыла для европейского академического сообщества значительные перспективы расширения научных исследований на евразийском пространстве и профессионального карьерного роста в новых институтах на востоке. Швейцарские специалисты одними из первых откликнулись на приглашение российской власти и развернули обширную научную и образовательную практику в России. Они стояли у истоков создания Императорской академии наук в Санкт-Петербурге и способствовали ее вхождению в европейское научное сообщество (Я. Германн, братья Бернулли, Л. Эйлер и др.). Даже «запустив» новый научный проект, многие из них не покидали Россию, а, напротив, продолжали работать в стране, проработав в ней научными династиями, семейными и профессиональными связями.

С началом XIX в. в этом, поначалу элитарном, интеллектуальном диалоге европейского Просвещения с русским абсолютизмом на повестке дня появилась новая тема — идея демократизации формировавшегося образовательного пространства Российской империи. Напомним, что к тому времени в России уже существовало пять университетов, в каждом губернском центре предполагалось открыть гимназии и даже функционировало Министерство *народного* просвещения, однако полностью отсутствовала какая бы то ни было система светской начальной школы, и население империи поголовно оставалось неграмотным. Образование как институт приходило в страну «сверху», через инициативы просвещенной и не очень власти и элиты. Вот почему такое существенное значение для развития именно народного образования имело недолгое, но оставившее заметный след в истории российской педагогики общение императора Александра I (1777–1825) со швейцарским педагогом и просветителем Иоганном Генрихом Песталоцци (Pestalozzi; 1746–1827).

Интерес к личности Песталоцци и его новациям в области реформирования школьного образования возник в России в начальный период Александровского правления, когда группа «молодых друзей» императора планировала и прово-

---

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-06-10221, которому авторы выражают признательность за поддержку.

дила ряд либеральных реформ [Ротенберг, Шабаева 1960, с. 131; Андреев 2010]. В духе идей Жан-Жака Руссо (Rousseau; 1712–1778) Песталоцци считал важнейшей целью школьного обучения развитие природных способностей детей, а также настаивал на расширении образовательной сферы за счет обязательности и бесплатности начальной школы. Другой швейцарец, бывший воспитатель императора Александра I, Фредерик Лагарп (Laharpe; 1754–1838) активно продвигал педагогические идеи и практики Песталоцци при российском дворе. Специально для Александра I Песталоцци написал памятную записку с изложением своих взглядов на начальное образование [Ротенберг, Шабаева 1960, с. 119–120]. И хотя до сих пор неизвестно, был ли знаком император с этим текстом, осенью 1804 г. Песталоцци пригласили в Россию и дали зеленый свет публикации его трудов и знакомству русского читателя с идеями и практиками неугомонного швейцарца. Уже с 1806 г. работы Песталоцци печатались на русском языке, а в 1819 г. вышло первое русскоязычное собрание его сочинений, в дальнейшем многократно переиздававшееся.

Несомненно, педагогические новации Песталоцци были слишком авангардными для крепостной Александровской России. Тем не менее покровительство российского монарха изданию трудов швейцарца в России объективно способствовало формированию и поддержанию устойчивого канала распространения идеи «образования для всех». Эта идея, первоначально созвучная настроениям немногочисленной образованной части российского общества, была, однако, достаточно быстро востребована и развита в сочинениях и практиках ряда русских педагогов и общественных деятелей (прежде всего К.Д. Ушинского (1824–1870/71), прошедшего несколько лет в Швейцарии [Ушинский 2002; Ушинский 2002а] и после этого создавшего свою «Педагогическую антропологию» — первый труд отечественного автора по педагогической психологии). Параллельно, через обучение российских студентов в европейских университетах, издание переводов научных работ зарубежных специалистов и интенсивное личное профессиональное общение, в российскую общественную мысль и практику все шире проникали современные времени интеллектуальные потоки. Постепенно они формировали европейское в своих базовых идеях, многоуровневое и мультикомпонентное образовательное пространство Российской империи.

В XIX в. образ Швейцарии в России как источника новых образовательных, научных и просветительских парадигм был дополнен еще одним важным социальным компонентом — представлением о свободе и правах человеческой личности. Носителями и трансляторами этих воззрений были прежде всего российские политические эмигранты (от Александра Герцена до социалистов всех направлений и либералов), создавшие в Швейцарии оппозиционную российскому самодержавию мощную и влиятельную политическую диаспору. Однако альпийская республика играла роль «убежища» не только для политических противников имперского режима, но и для широкого спектра критически мыслящей российской научной интеллигенции — от интеллектуальной элиты до студенчества. Швейцария, предоставлявшая большие возможности для самореализации и научного творчества, привлекала многих российских ученых и может быть названа

одним из первых центров российского научного зарубежья XIX–XX вв. Здесь жил и работал известный географ и этнограф Лев Ильич Мечников (1838–1888); великий микробиолог Владимир Аронович Хавкин (1860–1930), подаривший миру вакцины против чумы и холеры, много лет провел в Лозанне. В Женеве учился и преподавал известный филолог и лингвист Сергей Иосифович Карцевский (1884–1955). Заметное место среди российских ученых-эмигрантов занимали и представители новой для XIX в. комплексной научной дисциплины о человеке — психологии. Выдающийся невропатолог и нейропсихолог Константин Иванович фон Монаков (1853–1930) стал основателем Института изучения мозга в Цюрихе и Швейцарского неврологического общества, первым профессором неврологии в Швейцарии и первым редактором журнала «Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie». Там же, в Цюрихе, профессорствовал физиолог и психолог Виктор Алексеевич Анри (1872–1940) [Масоликова, Сорокина 2010; Сорокина 2010; Сорокина 2011].

Благодаря низкой стоимости жизни Швейцария, наряду с Германией, со второй половины XIX в. стала своего рода «академической Меккой» и для российских студентов. Количество подданных Российской империи, обучавшихся в ведущих швейцарских университетах в начале XX в. (Базельском, Цюрихском, Бернском, Лозаннском и Женевском), достигало 40 % общего количества студентов, а в университетах Лозанны и Женевы «русских» училось даже больше, чем местных¹. Особенно привлекательной университетская Швейцария была для девушек. Сюда, в единственную европейскую страну, где женщины учились в высших учебных заведениях наравне с мужчинами, массово уезжали интеллектуально мотивированные российские девушки, не имевшие возможности получить полноценное высшее образование на родине [Bühler et al. 1985, S. 2; Ziegler, Tikhonov 2005; Tikhonov 2005]. Со временем многие российские выпускницы швейцарских университетов становились известными специалистами в своей научной области, занимали ведущие позиции в науке и образовании и создавали тот «невидимый женский колледж» (invisible college), который активно распространял свое влияние в научном мире и общественной жизни Европы, Швейцарии и России на протяжении всего XX в. Так, физиолог и биохимик Лина Соломоновна Штерн (1878–1968) стала первой женщиной — профессором Женевского университета, после возвращения в СССР в 1920-е гг. она оказалась первой женщиной, избранной действительным членом Академии наук СССР (1939). Бактериолог Лидия Львовна Рабинович-Кемпнер (1871–1935), выпускница Цюрихского и Бернского университетов, многие годы ассистировала нобелевскому лауреату, первооткрывателю возбудителя туберкулеза профессору Р. Коху в Берлине и стала первой женщиной-профессором в Пруссии. Именем философа и историка философии Анны Павловны Ту-

---

¹ Когда арестованные в 1906 г. за революционную деятельность студенты Московского университета братья Каменецкие были освобождены по личному распоряжению министра внутренних дел П.А. Столыпина, ответившего на ходатайство профессора В.И. Вернадского, они немедленно уехали в Швейцарию и вскоре сообщали: «Русских здесь масса. В расстоянии ¼ часа ходьбы от нас, в Обергофене, оказались Игнатовы, Кржеминские, — не говоря уже о массе незнакомых и полужнакомых соотечественников» [Сорокина 2012, с. 357].

маркиной (1875–1951), первой в Европе женщины — преподавателя философии, а в дальнейшем и профессора Бернского университета, названа одна из улиц в столице Швейцарии.

Можно было бы и дальше перечислять имена сотен российских научных специалистов, обстоятельства учебы или эмиграции связанных со Швейцарией. Роль и место зарубежных научных и образовательных центров в подготовке национальных научных кадров, а также значение международных научных связей как одного из важнейших инструментов становления национальных дисциплинарных сообществ и их институтов — по-прежнему актуальная проблема науковедческой историографии. Влияние этих связей, зачастую возникших еще в студенческие годы, было и остается тем более велико, что глобализация научного и образовательного пространств в общем контексте интенсификации миграций научных специалистов в XX в. привела к масштабному возникновению транснациональных научных проектов и сообществ ученых. Пионерами в данном процессе стали ученые-мигранты — эмигранты, беженцы, «возвращенцы» и «невозвращенцы». Они выполняли функцию гемоглобина в научном мире, являясь переносчиком и транслятором новых знаний, подходов и технологий, а также активным коммуникатором между различными властными, профессиональными, политическими и этническими сообществами.

Опыт российских научных специалистов в Швейцарии особенно интересен в этом отношении. Если до 1917 г. страна была одним из крупнейших центров российской диаспоры, то в 1920–1930-е гг. она оказалась на периферии русского эмигрантского мира. Несмотря на то что до 1946 г. Швейцария не имела дипломатических отношений с СССР, здесь осталось совсем мало, а прибывало еще меньше российских эмигрантов, концентрация беженских проблем казалась минимальной и, за исключением церкви, почти не было традиционных эмигрантских институтов. В то же время в Швейцарии располагалось множество международных организаций (в том числе Лига Наций, Верховный комиссариат по делам русских беженцев и др.) и велся постоянный, скрытый и явный, диалог по всему спектру самых дискуссионных мировых проблем. В этой атмосфере переговорной толерантности и в русской Швейцарии межвоенного периода на первый план стали выходить не политэмигранты, а интеллектуалы, благодаря персональным связям создававшие новые общественные и научные институции как принципиально транснациональные проекты, нередко перераставшие в обширные международные научные сообщества. Так, например, известный русский дореволюционный политэмигрант, книговед и библиопсихолог Николай Александрович Рубакин (1862–1946) позиционировал свою уникальную библиотеку в Лозанне в 1920-е гг. как независимую международную площадку для свободного общения представителей различных политических взглядов и одновременно как стартап для создания славистических центров по всему миру.

Судьба другого психолога и организатора образования, русской эмигрантки Елены Владимировны Антиповой (1892–1974) — Hélène Antipoff — в Швейцарии и Бразилии, еще более выразительно демонстрирует, как синтез различных европейских научных и образовательных традиций (русской, швейцарской,

французской и др.) инициировал формирование и развитие новой научной и образовательной парадигмы в другом полушарии Земли — на Южноамериканском континенте, в Бразилии [Campos 2010; Campos 2012; Campos 2012a; Масоликова 2010; Образование для всех 2014; Масоликова 2014; Масоликова 2015; Масоликова, Сорокина 2015].

Вынужденная покинуть СССР в 1924 г. вслед за высланным ОГПУ в 1922 г. мужем, писателем Виктором Ирецким (1882–1936) (см.: [Русские писатели 1992]), Е.В. Антипова оказалась едва ли не единственным «советским» психологом², эмигрировавшим уже в годы НЭПа. Получив до революции чисто западное (европейское) психологическое образование, она успела до отъезда профессионально поработать в очень актуальных для того времени психологических дисциплинах — педологии и тестологии. В отличие от многих эмигрантов, приехав в Швейцарию в 1926 г., Е.В. Антипова сразу была приглашена на временную позицию научного сотрудника одного из ведущих мировых психолого-педагогических центров исследований детства — Института Руссо в Женеве. Однако через несколько лет, в 1929 г., в поисках профессиональной занятости в условиях меняющейся европейской среды она отправилась в Бразилию, которая, проводя в это время образовательную реформу, открывала окно широких возможностей для многих специалистов.

В тот момент еще никто не мог предположить, что недавняя жительница Санкт-Петербурга останется в далекой южной стране навсегда, что благодаря ее усилиям тысячи бразильских учителей, врачей и психологов овладеют современными профессиональными знаниями в области коррекционной педагогики и психологии, а на место биомедицинской модели лечения «дефективных» и «умственно отсталых» придет гуманистическая парадигма обучающего развития и поддержки «людей с исключительными способностями». Небольшое, казалось бы, изменение терминологии в реальности означало настоящий переворот в представлениях и отношении бразильского общества к «особенным». Переворот, который во многом стал возможен в результате активной деятельности созданного и возглавлявшегося Е.В. Антиповой с 1932 г. Общества Песталоцци, энергично работающего и в настоящее время.

Наследница идей великого швейцарского гуманиста о развивающем обучении и поддержке социально незащищенных слоев населения, прежде всего детей, Е.В. Антипова не только предложила обществу свой личный педологический проект, но сумела воплотить его, добившись создания в 1940 г. в городке Ибирите (недалеко от г. Белу-Оризонти) интегративного образовательного комплекса — «Фазенда до Розарио». Здесь, на вполне рациональных научных началах, оказалась реализована русская социальная утопия — мечта о таком лучшем, а главное, справедливом устройстве общества, при котором все его члены имеют равные возможности для своего развития и благоденствия. «Фазенда до Розарио» была и остается по сей день огромной светской образовательной общиной, пространство которой открыто для всех типов человеческой нестандартности. В знак благодарности бразильцы поставили русскому психологу памятник — единственный в

---

² Т. е. психологом, жившим и работавшим в советский период истории России.

этой стране и во всей Латинской Америке памятник женщине-ученому, создали ее мемориальный музей, назвали именем Е.В. Антиповой университетскую кафедру и тщательно изучают ее научное наследие.

Биография Елены Владимировны, ее научная, научно-организационная и общественная деятельность в Швейцарии и Бразилии привлекали и привлекают значительное внимание историков науки разных стран, которые рассматривают их в разных контекстах — от истории психологии, гендерной истории до проблематики прав человека. Между тем на родине имя Е.В. Антиповой еще недавно было почти неизвестно. Публикация ее писем в «Ежегоднике Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» [Масоликова 2010], а затем Международный научный коллоквиум, состоявшийся в июне 2012 г. [Масоликова, Сорокина 2013; Образование для всех 2014], впервые широко поведали о незаурядной личности и огромном вкладе нашей соотечественницы в развитие глобального психолого-педагогического и образовательного пространства [Масоликова, Сорокина 2013; Образование для всех 2014]. Всего за три года имя Е.В. Антиповой из безвестности попало в список «Ста великих русских эмигрантов» [Бондаренко, Честнова 2012].

Тем не менее еще очень многое в научной биографии Елены Владимировны остается непроясненным, и прежде всего ее «русские годы», с которыми связано становление научных и общественных взглядов выдающегося ученого. До сих пор единственным источником по этому периоду жизни Е.В. Антиповой оставались беллетризованные воспоминания ее сына, Даниила Викторовича Ирецкого-Антипова (1919–2005), который в силу возраста не мог быть непосредственным участником событий и, по-видимому, передавал полученные от матери сведения, а в некоторых случаях домысливал их [Antipoff 1996]. Настоящая статья вводит в научный оборот новый фактический материал из российских и бразильских архивов, позволяющий наметить траектории персональных, социальных и институциональных связей и практик, формировавших личную и профессиональную биографию Е.В. Антиповой и мотивировавших ее участие в транснациональных научных сообществах.

ЛЮДИ И ИНСТИТУТЫ

В судьбе каждого ученого бывают реперные точки, которые незаметно для самого человека определяют его будущее на многие годы вперед. В жизни Е.В. Антиповой таким знаковым локусом стала Женева. Юная Нелли (домашнее имя Елены Владимировны) попала сюда почти случайно: в мае 1910 г. она окончила Таганцевскую женскую гимназию в Петербурге, а в 1911 г. приехала во Францию учиться медицине в парижской Сорбонне, — казалось, ее студенческие годы пойдут по традиционной университетской колее.

Однако в Париже Елена Антипова попала в «пекло творения» новой психолого-педагогической науки и ее экспериментально-прикладных направлений,

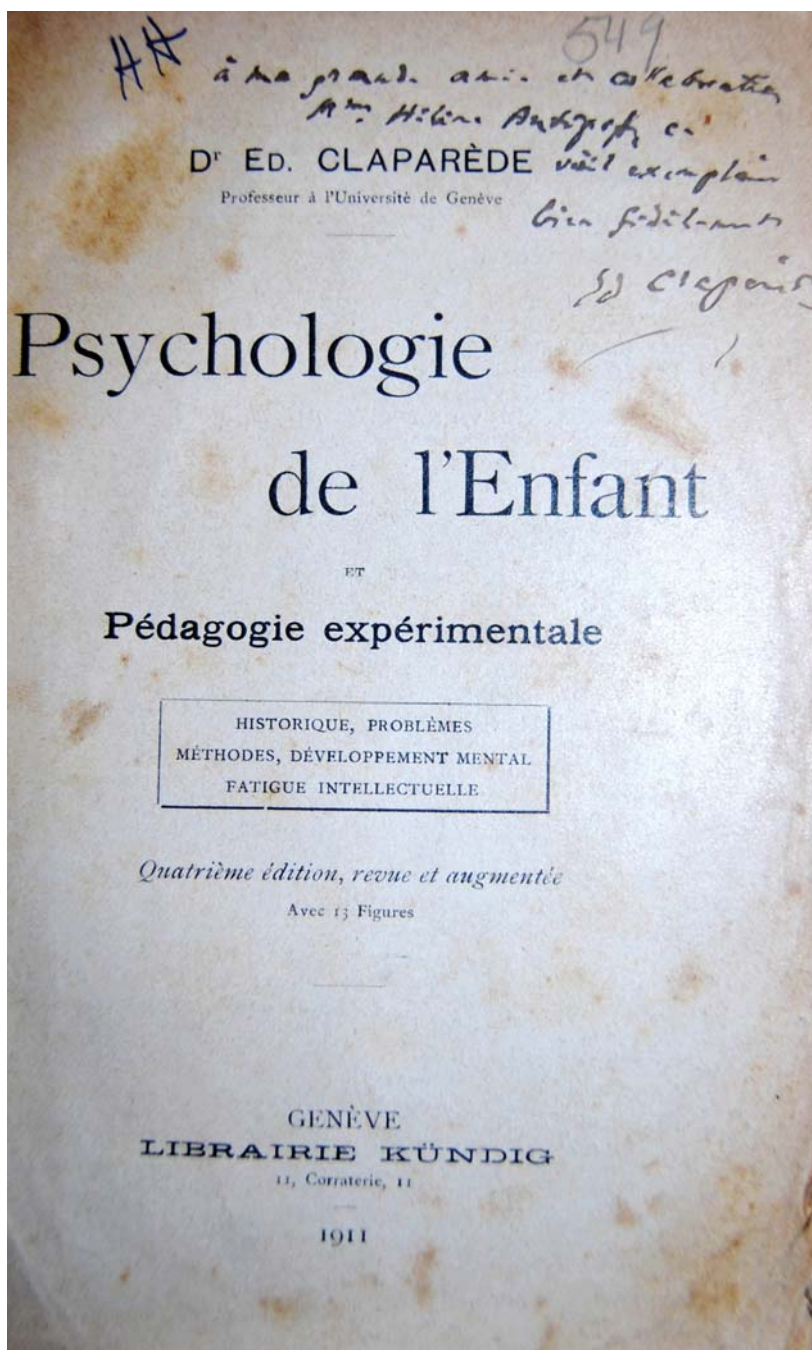

вызванных насущными потребностями общества. В это время европейская, и прежде всего французская, система образования переживала серьезную трансформацию в связи с введением обязательного **среднего** школьного образования для детей в возрасте до 14 лет (напомним, в России законопроект о всеобщем **начальном** образовании только начали рассматривать в 1907 г.). С точки зрения перспективы массового обучения истощенность старых педагогических подходов была очевидна как для школьных администраторов и педагогов, так и для многих родителей. А вот на какой основе строить новую массовую школу, с помощью каких средств создавать возможности для самореализации каждого ребенка и стимулировать его обучение, долгое время оставалось дискуссионным вопросом для научной и педагогической общественности.

Концепция «активной школы» (*école active*), в основе которой лежала идея развивающего обучения — развития интеллекта и творческих способностей учащихся через самостоятельный поиск решений незнакомых проблем, стала одним из важнейших оснований европейской образовательной реформы. Ее сторонниками и проводниками были швейцарские педагоги и психологи Адольф Феррьер (Ferrière; 1879–1960) и Пьер Бове (Bovet; 1878–1965), а также профессор Женевского университета Эдуард Клапаред (Claparède; 1873–1940).

Медик по образованию, Клапаред происходил из очень известной и знатной женевской семьи. Окончив Женевский университет в 1897 г., он стажировался в парижском госпитале Сальпетриер, а в 1901 г. совместно со своим кузеном Теодором Флурнуа (Flournoy; 1854–1920) основал журнал «Archives de Psychologie». В эти годы Клапаред сотрудничал с женевской лабораторией экспериментальной психологии, став затем ее директором. С 1908 г. Эдуард Клапаред экстраординарный, а с 1915 г. ординарный профессор экспериментальной психологии Женевского университета. Он занимал многие важные позиции и в международном психологическом сообществе, возглавляя ряд международных комитетов по проведению различных психологических конгрессов. Человек большой энергии и авторитета, сторонник экспериментальной психологии, функционального образования и применения психологии образования, профессор Клапаред был широко известен своими работами в области детской психологии и экспериментальной педагогики, которые многократно переиздавались на различных языках.

Создаваемый им и его швейцарскими коллегами в 1911–1912 гг. новый институт педагогических наук — Институт Руссо (*École des Sciences de l'Éducation*) — рождался в бурных дебатах, но быстро стал одним из ведущих в Европе центров исследований в области образования и экспериментальной психологии и предлагал свое теоретическое и экспериментальное обеспечение для развития методов «активной школы» [Bovet 1932]. Имевший статус одновременно независимого исследовательского центра и учебного заведения, институт финансировался из частных средств, и не в последнюю очередь поэтому смело использовал самые современные методы обучения. В его учебный план были включены лекции по таким новым для своего времени дисциплинам, как психопатология младенчества, еврики, психоанализ.

Дарственная надпись Э. Клапареда Е.В. Антиповой
на его монографии «Детская психология». <1913–1914 гг.>
Публикуется впервые. Архив Е.В. Антиповой. Белу-Оризонти, Бразилия

В поисках студентов и сотрудников для института профессор Э. Клапаред приехал и в психологическую лабораторию Сорбонны, где Альфред Бине (Binet; 1857–1911) уже давно занимался разработкой методов измерения интеллекта ребенка. Совместно с Теодором Симоном (Simon; 1873–1961) он предложил шкалу для определения уровня интеллекта, получившую столь широкое практическое применение, что ее нередко относят к важнейшим изобретениям XX столетия. Лаборатория Бине привлекала исследователей со всего мира, и Елена Антипова успела поработать в ней в 1911–1912 гг., участвуя в исследовании по проверке точности измерения интеллектуального развития парижских школьников на основе «шкалы Бине–Симона». Именно здесь ее представили женевскому мэтру как подающую большие надежды студентку.

Влияние новаторских взглядов и подходов Э. Клапареда, да и самой личности швейцарского профессора оказались столь велики, что в сентябре 1912 г. Е.В. Антипова переехала учиться в Женеву. Фокус интересов русской студентки сместился от изучения проблем патологии тела к исследованию возможностей человеческого интеллекта, от медицины — к экспериментальной психологии и тесно связанной с ней социальной инженерии. Встреча с Э. Клапаредом оказалась судьбоносной для Антиповой, а сотрудничество с ним — важнейшим исходным моментом в становлении профессиональных взглядов на интеллект и обучение. С этого момента в лице швейцарского ученого Елена Антипова на всю жизнь обрела научного патрона, учителя, коллегу и друга.

Стоит отметить, что в эти годы жизнь и деятельность не только Э. Клапареда, но и всего Института Руссо были тесно связаны с Россией и российскими специалистами. Супруга профессора Елена имела российские корни: ее отец, известный философ-неокантианец Африкан Александрович Спир (Шпир; 1837–1890), был уроженцем Херсонской губернии, участником Крымской войны. С институтом сотрудничали психотехник Лев Густавович Вальтер (1889–1963), психоаналитики Сабина Николаевна Шпильрейн (1885–1942) и Татьяна Конрадовна Розенталь (1884–1921), а также упомянутый выше книговед и библиопсихолог Н.А. Рубакин. Сам Эдуард Клапаред хорошо знал и внимательно следил за российской психологической и особенно педологической мыслью и экспериментальными исследованиями. Еще в 1905 г. в своей книге «Психология ребенка и экспериментальная педагогика» («Psychologie de l'enfant et pédagogie expérimentale») он ссылаясь на результаты, полученные в российских психолого-педагогических лабораториях, и прежде всего на работы известного петербургского психолога Александра Петровича Нечаева (1870–1948) [Leopoldoff 2014, p. 189]. На русском языке эта основополагающая монография Э. Клапареда была опубликована в 1911 г. в Петербурге (перевод Д.Ф. Кацарова), а уже в 1920-е гг. в СССР были изданы и другие работы профессора — «Профориентация» («L'orientation professionnelle», 1922) и руководство «Как диагностировать способности школьников» («Comment diagnostiquer les aptitudes chez les écoliers», 1924)³.

---

³ О связях Клапареда с СССР см.: [Fayet 2014, p. 141, 220].

*Дом, в котором Е.В. Антипова жила в Женеве в 1913–1914 гг.
Фото М.Ю. Сорокиной*

Известный своими демократическими убеждениями, Э. Клапаред поддерживал русских политэмигрантов в Женеве и неоднократно участвовал в их акциях⁴. Он пригласил в Институт Руссо одного из них — друга, последователя и биографа Льва Толстого Павла Ивановича Бирюкова (1860–1931), который преподавал здесь в годы учебы Е.В. Антиповой (1912/13). В отличие от российских университетов женевский институт с момента основания был международным образовательным центром — интернациональный состав студентов, преподавателей и исследователей закладывался принципиальной особенностью его устройства. Здесь учились девушки из Германии и Швейцарии, Греции и Румынии, Бразилии и Бельгии, Португалии и Испании. Одновременно с Е.В. Антиповой в его стенах занимались и другие студентки из России — например, Матильда Берштейн, Алина Хюбш, Фани Коссман [Borges 2014, p. 138]. Кроме того, отделения института существовали (или в скором времени возникли) в Каире, Тель-Авиве, Афинах, Барселоне, Нью-Йорке и других городах по всему миру. Благодаря этому Елена Антипова получила в Женеве не только самое современное для начала XX в. психолого-педагогическое образование, но и сразу обрела значительные связи и интегрировалась в международную профессиональную среду. В то же время в этой конфигурации она стала еще одним соединяющим звеном между российской и европейской наукой [Leopoldoff 2014, p. 193].

До революций 1917 г. небольшое, но высококвалифицированное российское психологическое сообщество было теснейшим образом связано с европейскими и американскими коллегами и внимательно следило за основными трендами раз-

⁴ См. статью Ш. Риндлисбахера в настоящем издании.

вития психологических дисциплин. Поиски новых методов экспериментальной работы в области детской психологии и оптимальной модели исследовательского психологического института, аналогичные или близкие женевским, шли и в России [Акименко 2007; Парамонова 2010; Парамонова 2010а]. В Москве профессор Георгий Иванович Челпанов (1862–1936) создал на частные средства первый в России Психологический институт (1912), а в Петербурге в рамках основанного профессором Владимиром Михайловичем Бехтеревым (1857–1927) Психоневрологического института еще в 1907 г. появился Педологический институт, первыми годами своего существования обязанный исключительно частным пожертвованиям. Российские меценаты, как и их европейские визави, вкладывали средства в самую передовую науку, поддерживая именно те направления, которые мы сегодня назвали бы «инновационными». Важно, однако, что капиталы «новых русских» направлялись не только на стимулирование прикладных научных исследований, но и в сферу экологии человека, на переустройство всей среды его обитания. Наиболее дальновидные российские предприниматели, понимавшие бессмысленность технологической революции вне «нового человека», щедро вкладывали деньги в науку, образование, медицину. Так, сибирский благотворитель В.Т. Зимин поддержал идею создания новых методик воспитания ребенка с ранних лет и в 1907 г. пожертвовал бехтеревскому институту капитал на постройку здания интерната с психологической лабораторией и создание фонда в память К.Д. Ушинского.

Параллельно бехтеревскому педологическому проекту экспериментальной разработкой психологических проблем детства активно занимался уже упомянутый А.П. Нечаев (см.: [Аншакова 2002; Кадневский 2005; Макаренкова 2010; Романов 1996; Guski-Leinwand 2011]). В 1901 г. именно он при поддержке выдающегося военного педагога, генерала от инфантерии Аполлона Николаевича Макарова (1840–1917) организовал первую в России лабораторию экспериментальной педагогической психологии при Педагогическом музее Главного управления военно-учебных заведений. То, что лаборатория возникла в рамках военного ведомства, произошло неслучайно: многие годы оно энергично занималось всесторонней подготовкой воспитанников кадетских корпусов и внимательно следило за новыми образовательными подходами и методиками. Даже возглавлявший Главное управление великий князь Константин Константинович (1858–1915) постоянно посещал конференции созданных Нечаевым педагогических курсов для воспитателей кадетских корпусов при Педагогическом музее.

С именем А.П. Нечаева связаны буквально все институциональные инициативы в области педологии в дореволюционной России — он организовывал выставки, конференции, съезды, курсы, общества, издавал и редактировал множество периодических изданий. Одним из первых в России Нечаев проводил психолого-педагогические исследования с применением тестов и способствовал их популяризации в обществе. Апеллируя к европейскому — и прежде всего швейцарскому — опыту мемориализации памяти о великих педагогах, он предложил открыть сбор пожертвований на сооружение памятника К.Д. Ушинскому и сумел добиться аудиенции у премьер-министра П.А. Столыпина для реализации этого плана.

Несмотря на кипучую деятельность, Александр Петрович чувствовал себя, по его собственным словам, «одиноким пловцом в море русской науки» [Романов 1996, с. 18]. Когда в 1901 г. Нечаев опубликовал монографию «Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения», она была встречена российскими коллегами весьма прохладно. Напротив, зарубежные психологи с одобрением отнеслись к новаторским идеям А.П. Нечаева о внедрении эксперимента в педагогическую психологию. Внеуниверситетский, а значит, и некорпоративный, мало признаваемый российским научным сообществом того времени исследователь, он с горечью констатировал, что «единственным средством выйти из этого одиночества было общение с моими заграничными единомышленниками» [Там же, с. 18]. Еще в 1898 г. Нечаев стажировался в ведущих психологических лабораториях Европы — В. Вундта в Лейпциге, А. Бине в Париже и др. Его имя постоянно звучало на международных научных площадках, в том числе как члена многих зарубежных научных обществ. Когда в 1909 г. А.П. Нечаев основал Общество экспериментальной педагогики в Петербурге, приглашение стать его почетными членами приняли все мировые лидеры психолого-педагогической науки того времени: А. Бине, Э. Клапаред, Э. Мейман (Германия), С. Холл (США) и др. В свою очередь в 1912 г. после открытия в Женеве Института Руссо Нечаев был назван первым и бесспорным кандидатом от России на место члена его Международного попечительского комитета⁵.

Из этого небольшого обзора ясно, что А.П. Нечаев являлся важным связующим звеном между зарубежными, в том числе швейцарскими, и российскими учеными-педологами и психологами. Возможно, поэтому в зарубежной литературе считается, что именно он дал рекомендательное письмо Е.В. Антиповой к европейским коллегам при ее отъезде из СССР в 1924 г. [Campos 2012, p. 161], хотя сохранившиеся архивные документы пока этого не подтверждают. Между тем более чем вероятно, что личное знакомство Нечаева с Антиповой произошло именно в Женеве в Институте Руссо, и, как следствие, первая известная печатная работа Елены Владимировны, еще студентки, опубликованная в одном из женевских педагогических журналов в 1913 г., рассказывала о педологических работах А.П. Нечаева [Antipoff 1913; Leopoldoff 2014].

Однако можно предположить, что они были знакомы еще раньше, по Петербургу. Лаборатория экспериментальной педагогической психологии А.П. Нечаева относилась к тому же ведомству, что и Владимирское военное училище, начальником которого был отец Е.В. Антиповой, полковник Владимир Васильевич Антипов (1862–1927) (см.: [Образование для всех 2014, с. 86–97]). Лаборатория и училище располагались неподалеку, а чины Главного управления военно-учебных заведений нередко жили в соседних домах и регулярно встречались на общих мероприятиях. Так или иначе, но в своих публикациях Е.В. Антипова постоянно ссылалась на педологические труды А.П. Нечаева и разработанные им тесты, а в ее бразильской библиотеке среди немногочисленных экземпляров русскоязычной литературы, перевезенных через границы и океаны, хранится и упомянутая мо-

⁵ Архив Института Руссо. Женева, Швейцария. FG. A. 4/1.

нография А.П. Нечаева 1901 г. с дарственной надписью: «Многоуважаемой Елене Владимировне Антиповой на добрую память от автора».

Жизнь и профессиональная карьера Александра Петровича в СССР сложились так же трагично, как и судьба педологии в целом, — с приходом новых «советских кадров» он неумолимо вытеснялся со всех институциональных позиций. В 1935 г. Нечаев был арестован по доносу коллег и осужден на пять лет ссылки в казахстанский город Семипалатинск. Нельзя не согласиться с А.А. Романовым, что ссылка на далекую периферию спасла профессору жизнь [Романов 1996, с. 11], но репрессии на многие десятилетия вычеркнули имя Нечаева из коллективной памяти отечественного психологического сообщества. Забвение оказалось столь прочным, что даже в пионерской для своего времени книге А.М. Эткинда «Эрос невозможного: История психоанализа в России» (М., 1994), где немало страниц посвящено истории педологии в России, А.П. Нечаев даже не упоминается! Вероятно, если бы Елена Антипова осталась в СССР, то и ее могла бы постигнуть участь Александра Петровича. Духовные идеалы, ценности общественного служения и свободной профессиональной работы, которыми жила значительная часть дореволюционной русской интеллигенции и которые воспроизводились ею во многих гимназиях и университетах, оказались мало востребованы в новом государстве.

ОДНОКЛАССНИЦЫ: «ГДЕ МЫ И С КЕМ МЫ»

Частная женская гимназия Л.С. Таганцевой, которую окончила Нелли Антипова, пользовалась репутацией одной из самых либеральных по духу и лучших по уровню образования гимназий Петербурга начала XX в. Она располагалась в центре города — на Моховой, 27, на четвертом этаже здания, в котором жила большая семья Таганцевых. Их предок — выкупившийся на свободу крепостной крестьянин, он переселился в Москву из Пензы, вступил в купеческую гильдию и обосновался на Таганке, откуда и пошла фамилия династии [Сомов 2005]. Самым известным представителем рода был брат Л.С. Таганцевой, правовед, сенатор и член Государственного совета Николай Степанович Таганцев (1843–1923), который и стал попечителем гимназии, открытой в 1883 г.

Ее учредительница и начальница — Любовь Степановна Таганцева — также была незаурядной личностью. Свободолюбивая и независимая, она сама отбирала педагогов гимназии и учебные программы, делая акцент на гуманитарных предметах, русской литературе и истории. В течение многих лет Педагогический совет гимназии возглавлял известный историк-медиевист, профессор Петербургского университета Иван Михайлович Гревс (1860–1941), здесь преподавали академик А.С. Лаппо-Данилевский, историки Я.Л. Барсков и О.А. Добиаш и другие представители российской академической элиты. Под их влиянием многие выпускницы гимназии избрали своим поприщем гуманитарные дисциплины и литературу, среди них — Лидия Корнеевна Чуковская (1907–1996), Мария Сергеевна Платонова (1897–1942), Раиса Ноевна Блох (1899–1943), Лидия Алексеевна Алексеева (1909–1989) и др.

*Любовь Степановна Таганцева.
Публикуется впервые.
ЦГАЛИ СПб. Ф. 99. Оп. 1. Д. 90. Л. 2*

Таганцевская гимназия, обучение в которой было весьма дорогостоящим, отличалась не только высоким уровнем преподавания и гуманитарным уклоном, но и составом родителей и учениц. В поисках хорошего образования сюда отдавали своих дочерей многие высокопоставленные гражданские чиновники и военные имперской столицы, в то же время здесь было много девочек из семей «новых русских» — успешных предпринимателей и интеллигенции, в том числе еврейского происхождения, и даже учившихся на стипендии дочерей рабочих. Этот удивительный на первый взгляд социальный симбиоз отражал и менявшийся состав новой петербургской городской элиты, и вызовы времени, и личную позицию начальницы гимназии. Но объективно он стимулировал атмосферу разнообразия и толерантности, которые в сочетании с утверждением образования и

знаний как абсолютных ценностей были приоритетами учебного заведения.

По свидетельству многих мемуаристок, в Таганцевской гимназии царили атмосфера дисциплины и дух критики. И.Э. Еленевская рассказывает, что ученицы «чувствовали себя слушательницами высших курсов. Этому способствовало и то, что появились новые предметы, как психология, начало юридических наук, латынь и высшая математика» [Еленевская 1967]. Уже с 6-го класса читались лекции, а не велись уроки, и учителя здоровались с ученицами за руку. Л.С. Таганцева очень поощряла личный контакт между преподавателями и воспитанницами, и каждое Рождество в гимназии устраивалась елка «с программой»: ставились сценки из классиков, ученицы декламировали, играли на рояле — всё готовилось при участии педагогов. Особое внимание начальница уделяла старшим гимназисткам, с которыми «Любовь Степановна часто беседовала об их будущем, спрашивала, собираются ли они остаться в восьмом классе, который был не обязательным и поставлен на университетскую ногу с лекционной системой, сдачей зачетов по четвертям, и в котором преподавались начатки юридических наук, высшей математики, латыни и т. д.» [Там же]. Гимназия как общий и любимый дом — такой она осталась в памяти многих учениц, и заслуга в этом, конечно, принадлежала прежде всего Л.С. Таганцевой. Е.Д. Воейкова-Ильина признавалась: «В моих светлых гимназических днях очень многое связано с ней, с ее трезвым взглядом на жизнь, с ее самоотверженной любовью к своей гимназии и ко всем нам...» [Воейкова-Ильина 2010, с. 34].

Даже в элитной Таганцевской гимназии класс Елены Антиповой занимал особое положение. «Гимназия носилась с нашим классом, как курица с высиженным

ею утенком», — вспоминала одноклассница Антиповой, дочь пролетария, и добавляла: «В нашей среде был самый блеск» [Афанасьева 1924, с. 94]. Она имела в виду небольшую компанию своих подруг — Лиза Таль, Наташа Михневич, Лиза Пиленко, Нина Воленс, Юля Эйгер, «изящная Нелли Антипова». Каждая из них уже в юности проявила себя яркой личностью, но самой заметной в то время, безусловно, была Лиза Пиленко (1891–1945) — вскоре поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева.

Девушкам преподавали незаурядные педагоги. Историей с ними занимался ученик В.О. Ключевского, специалист по русской литературе XVIII в. и масонам, Яков Лазаревич Барсков (1863–1937)⁶. Закон Божий гимназистки изучали под руководством священника Виктора Плотникова (1872–1937), законоучителя Павловского женского института, будущего епископа Кронштадтского Венедикта (1920)⁷. Но даже лучшие учителя не смогли, а может быть, и не желали уберечь своих воспитанниц от происходивших за стенами гимназии общественных волнений и протестов. Выросшие в атмосфере благополучия, любви и достатка, таганцевские девушки стыдились своего привилегированного положения и осенью 1908 г. даже организовали кружок по изучению марксизма. «Мы были поставлены перед необходимостью спешно разобраться в наших детских представлениях о мире и дать себе ответ, — где мы и с кем мы, — писала впоследствии мать Мария. — Впервые в сознание входило понятие о новом герое, имя которому НАРОД» [Мать Мария 2015, с. 73]. Не довольствуясь теорией, некоторые гимназистки «пошли в народ» — проводить уроки для рабочих Путиловского и Франко-русского заводов по арифметике, географии, русскому и немецкому языкам. Мать Лизы Пиленко, Софья Борисовна, вспоминала, что однажды ее дочь объявила, что будет по вечерам давать уроки рабочим на Путиловском заводе. «Я пришла в ужас! <...> всюду аресты и вдруг 15-летняя девочка будет давать уроки рабочим, да еще вечером! Говорю ей: “У тебя у самой много уроков, тебе самой еще учиться нужно, да и в беду попадешь”. Она бросилась меня целовать и говорит смеясь: “Не бойся, мать, и уроки выучу, и ничто со мной не случится... а вечером оттуда меня старики рабочие до трамвая обещали проводить”» (цит. по: [Мать Мария 2004, с. 24]).

Позднее историки и журналисты утверждали, что Таганцевский гимназический кружок был частью городской молодежной социал-демократической организации [Заря надежды 1982, с. 171–218]. Конечно, это изрядное преувеличение и до «подпольной организации» кружку было далеко, но в 1990 г. в журнале «Ленинградская панорама» появилась фотография 1909 г. с подписью: «Нелли Антипова — член подпольной организации учащейся молодежи при Петербургском комитете РСДРП(б)» (см.: [Эйгер-Мошковская 1990, № 12, с. 28]). Впрочем, некоторые девушки (Ю. Эйгер, Н. Михневич, А. Афанасьева) действительно

---

⁶ В частности, он оказал большое влияние на становление профессиональных интересов Г.В. Вернадского (1887–1973), которому также преподавал в гимназии.

⁷ Неоднократно арестовывался в 1920-е гг. С 1936 г. — архиепископ Казанский и Свияжский. В августе 1937-го расстрелян в Ленинграде. Погребен в Левашовской пустыни под Ленинградом.

имели обширные контакты в эсеровской и социал-демократической среде⁸. Полицейские власти предусмотрительно и со всей серьезностью отнеслись к юным оппозиционеркам, и вскоре полковнику Антипову поставили на вид опасное поведение его дочери, указав именно на этот кружок [Афанасьева 1924, с. 102]. Более того, в картотеке наблюдений Особого отдела Департамента полиции сохранилась отдельная карточка: «Антипова Елена Владимировна, дочь генерал-майора»⁹.

Ю. Эйгер также подтвердила небезосновательность полицейского демарша: «Всеми признанная и бесспорная красавица нашего класса, Нелли Антипова, была дочерью генерала¹⁰, начальника Владимирского юнкерского училища. Это явно монархическое окружение не мешало ей сочувствовать революционному движению и иногда активно помогать нам. Над квартирой Антиповых находилась квартира инспектора этого военного училища полковника Неслуховского, вся семья которого участвовала в революционном движении. Однажды обе девушки-подружки — Лиза Таль и Нелли Антипова — сидели в генеральской квартире и готовились к экзаменам, когда вошел денщик и сообщил им по секрету, что наверху у Неслуховских идет обыск и что обе барышни¹¹ увезены в тюрьму. Лиза и Нелли тут же схватили свои сумки, чтобы придать себе вид школьниц, идущих в гимназию, вышли из оцепленного полицией дома и пошли предупреждать об аресте других членов организации. Это было в апреле 1910 года» [Эйгер-Мошкова 1990, № 12, с. 26]. Заметим, что квартира К.Ф. Неслуховского давно была у полиции под подозрением — еще осенью 1906 г. лидер большевиков В.И. Ленин провел здесь несколько конспиративных встреч, там же неоднократно собирались совещания членов ЦК РСДРП(б).

В отличие от некоторых подруг Нелли Антипова непосредственного участия в молодежном революционном движении не принимала и после окончания гимназии собиралась поступать в Женский медицинский институт в Петербурге, однако полицейский демарш заставил ее мать немедленно увезти дочь за границу, подальше от дурного влияния оппозиционно настроенных знакомых. Как не вспомнить, что вскоре в картотеке Департамента полиции появилась и другая карточка: «Таль Елизавета Львовна. Слушательница Высших женских курсов. Дочь присяжного поверенного»¹². Полицейский отчет зафиксировал, что 30 ноября 1910 г. она стала одной из «зачинщиц» сходки слушательниц Высших женских (Бестужевских) курсов, отказывавшихся от занятий из-за самоубийства в

⁸ Лиза Таль была приемной дочерью правоведа, приват-доцента кафедры гражданского права Петербургского университета Льва Семеновича Таля (1866/67–1933), известного своими связями в кадетской среде, см.: [Гундарин 2005]. Юлия Эйгер родилась в семье известного врача и еврейского общественного деятеля, одного из учредителей Общества защиты евреев, автора многих научных трудов Якова Борисовича Эйгера (1862–1932).

⁹ ГА РФ. Ф. Р-102 (ОО). Картотека наблюдений.

¹⁰ Генерал-майором В.В. Антипов стал в декабре 1910 г. Мемуаристка несколько предвосхищает события.

¹¹ Сестры Татьяна и Мария Константиновны Неслуховские.

¹² ГА РФ. Ф. Р-102 (ОО). Картотека наблюдений.

тюрьме эсера Егора Созонова, убийцы министра внутренних дел В.К. Плеве. Более того, «слушательница курсов Елизавета Таль ударила по лицу командующего 7-ю ротою столичной полиции штабс-капитана Боровкова, пытавшегося разомкнуть державшихся за руки слушательниц. Таль была задержана, препровождена для удостоверения звания в управление участка и по составлении протокола освобождена»¹³.

Несмотря на явную склонность к бунтарству и активному противлению социальному злу, почти все таганцевские одноклассницы окончили Высшие женские (Бестужевские) курсы. Елизавета Львовна Таль-Тархова (1893–1987) своей профессиональной стезей избрала медицину, в 1920-е гг. она ординатор-хирург клиники госпитальной хирургии II МГУ, защитила кандидатскую диссертацию и служила в Боткинской больнице в Москве¹⁴. Юлия Яковлевна Эйгер (в замужестве Мошковская; 1892–1969) окончила историко-филологический факультет Бестужевских курсов, в 1913–1914 гг. занималась в Фрейбургском университете, а после 1917 г. работала в крупнейших научных учреждениях Петрограда и Москвы: Институте Маркса и Энгельса, Институте истории Академии наук СССР, заведовала критико-библиографическим отделом журнала «Историк-марксист» [Далин 1971, с. 338–339]. Нина Васильевна Воленс (1893–1937), дочь известного петербургского педагога, «прямая, кристально чистая, честная и правдивая» [Эйгер-Мошковская 1990, № 12, с. 26], изучала политэкономия на Бестужевских курсах, а потом служила в ряде академических комиссий. В 1928 г. она была арестована по делу известной зарубежной контрреволюционной организации «Крестьянская Россия» и приговорена к большому для тех лет сроку — десяти годам заключения, которые отбывала в Ярославской тюрьме [Соколов 2011, с. 448]. Продолжала «заниматься контрреволюционной пропагандой», являлась организатором и членом редколлегии издаваемого заключенными нелегального журнала «Чертополох», неоднократно объявляла голодовку. 4 сентября 1937 г. Нина Воленс была расстреляна. Лиза Пиленко (Елизавета Скобцова) эмигрировала — сначала в Королевство сербов, хорватов и словенцев, а затем во Францию. В Париже она стала вольнослушательницей Православного богословского института, приняла монашеский постриг и стала матерью Марией, монахиней в миру и хозяйкой приюта для обездоленных. Участница французского Сопротивления в годы Второй мировой войны, она помогала скрывать от расправы евреев, была арестована по доносу и отправлена в концлагерь Равенсбрюк. По одной из версий, в канун Пасхи, 31 марта 1945 г., мать Мария пошла в газовую камеру вместо одной из женщин. В январе 2004 г. она канонизирована Константинопольским патриархатом как преподобномученица.

Из всей компании гимназических подруг только Лиза Пиленко и Нелли Антипова покинули Россию после прихода к власти большевиков. Тем не менее на протяжении 1920-х гг. некоторым из них удалось еще несколько раз встретиться за границей. Вероятно, свидетельство одной из таких встреч — книжечка пере-

¹³ ГА РФ. IV Делопроизводство (1910). Т. 4. № 30442. Л. 150 об. — 151 об.

¹⁴ В конце 1926 г. ее отец, Л.С. Таль, эмигрировал во Францию. Профессор Франко-русского института.

сказов житий святых «Жатва духа» Е.Ю. Скобцовой (1927), бережно хранящаяся в бразильской библиотеке Е.В. Антиповой [Масоликова, Сорокина 2015]. Юношеские идеалы «служения народу» и вера в просветительскую миссию интеллигенции, сформированные в гимназические годы и разделявшиеся всеми девушками, у каждой из них нашли свои жизненные преломления. Но общие духовные устремления еще многие годы соединяли подруг в подвижнической и миссионерской сути их деятельности¹⁵. Размышляя о жизненном подвиге матери Марии, писатель Дмитрий Быков заметил, что «человек гигантского общественного темперамента, рожденный участвовать в бурях, она пришла к опыту малых дел, борьбы за каждого живого». Согласимся с писателем, что это, может быть, и есть «самый русский путь» [Быков 2012, с. 92].

СТАРЫЕ СВЯЗИ, НОВЫЕ КАРЬЕРЫ: «ЭТОТ СЛАВНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ КЛАПАРЕД»¹⁶

Еще весной 1924 г. Елена Антипова не знала точно, куда поедет — в Крым к отцу или в Берлин к высланному мужу-писателю. Она мечтала о воссоединении своей большой семьи, безжалостно разорванной войнами и революциями, но уже к лету определилась с выбором. Согласно справке, выданной 7 июля 1924 г. заведующим Центральным карантинно-распределительным детским пунктом в Ленинграде профессором Л.Г. Оршанским, Антипова направлялась в научную командировку в Германию на два месяца за свой счет. В документе отмечалось, что она «...является одним из самых деятельных работников по обследованию и распределению детей. В последнее время особенно много занимается вопросом о переростках как особенно важным в жизни наших учреждений, а также вопросами коллективного эксперимента». Отдельный интерес в этой справке представляет определение цели командировки, с большой вероятностью сформулированное самой Антиповой. «Цель поездки, — говорилось в ней, — углубление изучения современных методов детской и юношеской характерологии, психотехнического определения профессиональной пригодности для целей правильного распределения детей по учреждениям и методов определения нормальной и дефективной одаренности. Научная разработка и практическое приложение этих новых данных в настоящее время всего лучше представлены в психологической лаборатории профессора Штерна в Гамбурге»¹⁷. В конце справки указывалось, что

¹⁵ Примечательно, что в популярной книге «100 великих русских эмигрантов» их биографии помещены на соседних страницах [Бондаренко, Честнова 2012, с. 247–252].

¹⁶ Цит. по: [Масоликова 2010, с. 384].

¹⁷ Немецкий психолог Вильгельм Штерн (Stern; 1871–1938) был одним из первых психологов, поставивших в центр своих исследовательских интересов анализ развития личности ребенка. С 1916 г. заведующий психологической лабораторией в Гамбургском университете и редактор «Журнала по педагогической психологии». Один из инициаторов создания Гамбургского психологического института (1919). С 1934 г. жил в США. В известных нам документах нет даже намеков на знакомство Е.В. Антиповой с профессором. Зато его хорошо знал А.П. Нечаев. Скорее всего, имя Штерна было выбрано в качестве предлога для командировки.

<p>Пролетарии всех стран, соединяйтесь!</p>		<p>Proletaires de tous les pays, unissez-vous!</p>	
<p>РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА</p>		<p>REPUBLIQUE SOCIALISTE FEDERATIVE DES SOVIETS DE RUSSIE</p>	
<p>ЗАГРАНИЧНЫЙ ПАСПОРТ</p>		<p>PASSEPORT POUR L'ETRANGER</p>	
<p>Предъявительница сего, гражданка <u>на</u> Российской Социалистической Федеративной Советской Республики <u>Антипова</u> <u>Елена Павловна</u> с <u>матери</u> <u>Елены</u> <u>Ивановны</u> 5 лет отправляется в <u>Германию</u></p>		<p>Le porteur <u>elle</u> de la présente, citoyen <u>ne</u> de la République Socialiste Fédérative des Soviets de Russie <u>Antipoff</u> <u>Hélène avec son</u> <u>Mère</u> <u>Danielle</u> <u>Ivanovna</u> 5 ans se rend en <u>Allemagne</u></p>	
<p>в удостоверение чего и для свободного проезда дан сей паспорт с приложением печати Народ- ного Комиссариата по Внутренним делам.</p>		<p>en foi de quoi et pour le libre passage le présent passeport est délivré avec apposition du sceau du Commissariat du Peuple aux Affaires Intérieures.</p>	
<p>Настоящий паспорт действителен на <u>200</u> по <u>25 Августа</u> 192<u>5</u> г., выдан <u>25 Августа</u> 192<u>4</u> г. в гор. <u>Ленинград</u></p>		<p>Le présent passeport est valable pour <u>un an</u> jusqu'au <u>25 Août</u> 192<u>5</u> et délivré <u>25 Août</u> 192<u>4</u> à <u>Leningrad</u></p>	
<p>СВЕДЕНИЯ О ПРЕДЪЯВИТЕЛЕ:</p>		<p>SIGNALEMENT DU PORTEUR:</p>	
<p>Время и место рождения <u>25 февраля</u> <u>1892 года</u> <u>Лодино</u> Семейное положение <u>замужем</u></p>		<p>Lieu et date de naissance <u>25 fév</u> <u>1892</u> <u>Lodino</u> Etat de famille <u>mariee</u></p>	
<p>ПРИМЕТЫ:</p>		<p>SIGNES:</p>	
<p>Рост <u>средний</u> Глаза <u>голубые</u> Нос <u>обыкновен</u> Волосы <u>шатен</u> Особые приметы <u>нет</u></p>		<p>Taille <u> moyenne</u> Yeux <u>bleus</u> Nez <u>ordinaire</u> Cheveux <u>châtain</u> Signes particuliers <u>rien</u></p>	
<p>По Уполномочию Народного Комиссара по Внутренним делам Заведывающий Иностранной Отделением Государственного Отдела Аппарата <u>Смирнов</u></p>		<p>ТАЙЛАНД ПАСПОРТ № 24 1924</p>	
<p>Взыскано 22 руб. коп. Квитанция № 2815</p>		<p>Настоящий паспорт действителен при пересечении Государственной границы до <u>25 августа</u> 192<u>5</u> г. Контрольно-Пункт <u>Ленинград</u></p>	
<p>Портретная фотография</p>		<p>№ 2810 Р. В. 237352</p>	

Заграничный паспорт Е.В. Антиповой, 1924 г. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 343. Л. 1

«т<оварищ> Антипова <...> вновь вернется к работе в Пункте», и поэтому последний считает командировку очень полезной¹⁸.

Сегодня трудно поверить, что всего за пару месяцев Е.В. Антиповой удалось получить командировку и спокойно уехать в Германию с сыном. Тем не менее в личном фонде В.Я. Ирецкого сохранился ее советский заграничный паспорт, выданный 25 августа 1924 г. для «свободного проезда» в Германию и действительный в течение года, до 25 августа 1925 г.¹⁹ Документ имел лишь одно ограничение — покинуть СССР надо было в течение месяца после его выдачи, до 25 сентября 1924 г. Согласно пограничному штампу, Елена Антипова пересекла границу именно в этот, самый последний день. Она уехала вполне легально и вряд ли осознавала, что уже никогда не увидит Россию.

Приехав в Берлин, Антипова почти тотчас же, 18 октября 1924 г., отправила письмо профессору Э. Клапареду в Женеву, рассказав о происшедшем с ней и ее семьей за прошедшие семь лет, а также — и это было главным — о своих педологических работах в России [Correspondance 2010, р. 4–6]. Интересно, что первое берлинское письмо, недавно опубликованное М. Руша в книге переписки Э. Клапареда и Е.В. Антиповой, звучало весьма оптимистично и скорее ориентировалось на восстановление старых связей, чем на жалобы на судьбу. Антипова сообщила учителю, что, несмотря на политические катаклизмы, российские психологические институты работают вполне удовлетворительно и собрали богатый эмпирический материал, а она сама, сотрудничая с различными лабораториями Петрограда и Вятки, провела обследование более тысячи детей и сирот. В том же письме Елена Владимировна обратила внимание профессора на последние исследования русского психолога Александра Федоровича Лазурского (1874–1917) по классификации личности и ее изучению в естественных для испытуемого условиях. Мэтр сразу ответил талантливой ученице, и уже с ноября между Берлином и Женевой установилась постоянная переписка. Вскоре Е.В. Антипова опубликовала в Швейцарии две статьи, посвященные российским экспериментально-психологическим исследованиям (см.: [Campros 2012, р. 404]).

Однако то, что с помощью профессора Э. Клапареда удавалось сделать в Женеве, совсем не получалось в Берлине. Попытки Е.В. Антиповой устроиться на работу в Психологическом институте в Берлине закончились безрезультатно, семейная жизнь также оказалась далека от идеала. Уже в 1925 г. Елена Владимировна обратилась к учителю за помощью и в 1926 г. уехала с сыном в Женеву, где получила место ассистента профессора Клапареда в университете и сотрудничество с Институтом Руссо. Вслед за «русским путешественником» Н.М. Карамзиным она могла воскликнуть: «И вот я, наконец, в Швейцарии — стране живописной природы, на земле свободы и благоденствия! Кажется, что в здешнем воздухе есть что-то живительное: мое дыхание стало легче и свободнее, моя осанка расправилась, моя голова сама по себе поднимается, и я с гордостью думаю о своей человеческой сущности» (цит. по: [Карамзин 1984, т. 1, с. 165–166]).

¹⁸ Центр истории психологии и документации им. Е.В. Антиповой. Федеральный университет штата Минас-Жерайс. Белу-Оризонти, Бразилия. Папка «Correspondencias Russas».

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 343. Л. 1.

Сотрудники Института Руссо, 1928 г.

*В первом ряду слева направо: П. Бове, Е.В. Антипова, Э. Клапаред, М. Соберьян.
Опубликовано: Edouard Claparède, Hélène Antipoff. Correspondance (1914–1940) / ed. by
M. Ruchat. Florence, 2010*

В Женеве Е.В. Антипова получила то, чего была лишена в России и в чем так нуждалась, — интенсивное интеллектуальное общение со всеми присущими ему атрибутами: дискуссиями, конференциями, публикациями, проектами и т. п. В это время Институт Руссо являлся созвездием известных и молодых, а в недалеком будущем выдающихся психологов — от Жана Пиаже (Piaget; 1896–1980), Шарля Бодуэна (Baudouin; 1893–1963) до Алис Декедр (Descoeudres; 1877–1963), Минны Одемар (Audemars; 1883–1971) и Андре Рэя (Rey; 1906–1965), общение и сотрудничество с которыми помогло русской коллеге быстро восстановить профессиональный тонус. Особенно важным было то, что бывшую студентку хорошо помнили и доверяли ей. Директор Института Руссо профессор Пьер Бове отметил в своей книге, что мадам Антиповой пришлось взять на себя всю огромную работу по постановке экспериментов и координации различных исследований в Женеве, с чем она блестяще справлялась [Bovet 1932, р. 78, 80]. Талант умелого организатора и вдохновителя, который был совершенно не востребован в Петрограде/Ленинграде, ярко обнаружил себя в Женеве и стал прелюдией к работе Е.В. Антиповой в Бразилии. Профессиональное и общественное признание пришло быстро: «В прошлый четверг говорила по радио. Слушавшие в Женеве говорили, что удачно», — писала она мужу 19 сентября 1926 г., всего через полгода после переезда²⁰.

Кроме того, Женева подарила русской эмигрантке и так необходимое человеческое тепло. Как отмечает М. Руша, дружеские отношения между учителем и

²⁰ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 23.

Профессор Э. Клапаред и Е.В. Антипова, 1928 г.

Опубликовано: Campos R.H.F. Helena Antipoff: Psicóloga e educadora – uma biografia intelectual. Rio da Janeiro, 2012

ученицей выходили за рамки исключительно внутрикорпоративного общения и способствовали моральному и интеллектуальному возрождению Антиповой [Correspondance 2010; Ruchat 2007, p. 16]. Профессор считал ее и своей духовной дочерью, и музой, и именно «Антип», а не дочь или сына, видел в качестве своего преемника.

Удачно интегрированная в научную и социальную жизнь интернациональной Женевы, Елена Антипова тем не менее не теряла и связи с соотечественниками. Ее ближайшими собеседниками стала семья Барановых, глава которой был одним из любимых учеников профессора Петербургской консерватории скрипача Н.В. Галкина. «Наняла рояль на половину с Барановым, — сообщала Елена Владимировна мужу в июле 1926 г. — Месяц обходится 7 р. 50. Доня <сын> подбирает знакомые мелодии, играет после обеда около получаса гаммы и упражнения. Приучается к роялю. Я играю в свободное время довольно много. Аккомпанирую Баранову, может, в будущем это пригодится — не надо пренебрегать сейчас ничем, а главное, не забывать того, чему хоть немного училась. Музыка — хорошая отдушина в душевные июльские вечера от тоски...»²¹

Живший в Лозанне Н.А. Рубакин также быстро заметил появление новой русской сотрудницы и в начале 1928 г. отправил Е.В. Антиповой свою книгу по

²¹ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 21–21 об.

Genève 2. April 1928

29

Дорогой Папа!

Спасибо за письмо и за интересные
марки Все мальчики хотят иметь
такие же марки.

В этом месяце было много интересного:

18 марта я был с мамой и Институтом экскурсий.
Видели старинную гробницу, дельмен,
который называется la vielle aux fees. мы
провели там целый день, кушали, и
собирали цветы, и фотографировали.

Мистер Робертс за типотизировал обечку
которую было трудно было разбудить.
В Женеве был салон автомобилей.

Я там был два раза. Я знаю много
автомобильных фирм. Там раздавали
ранние каталоги и массу красивых жетонов

С L'Université (швейц. Пилонери). Я
был в музее, там мы видели обезьян
и слона. Потом мы устроили пикник у
нашей Mère-Louise, а потом пошли на
на остров реки Арвы. Я был у Главного
Доктора он мне прописал очки, потому
что я дальновзоркий. Я их ношу только

Письмо Даниила Антипова отцу, В.Я. Ирецкому, из Женевы, 1928 г.

Публикуется впервые. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 145. Л. 29

библиопсихологии²². Вскоре она стала читательницей Рубакинской библиотеки, заказав несколько книг для себя и сына. «С искренним удовольствием, — писал позднее библиограф, — вспоминаем всегда Ваши, к сожалению, такие кратковременные визиты в нашу книжную берлогу» (цит. по: [Масоликова 2015, с. 236]). В архиве Н.А. Рубакина сохранилась и трогательная открытка восьмилетнего Даниила Антипова, написанная простым карандашом и печатными буквами в июне 1927 г.: «Дорогой Николай Александрович. Спасибо Вам большое за вашу любезность и за память обо мне. Мне книжки очень нравятся. Я буду их читать летом, когда у меня будет время. Когда буди в Лозанне я наверное зайду к Вам. Спасибо еще раз. Ваш Данил Ирецкин-Антипофф»²³.

Перспектива потери сыном родного языка стала ведущим стимулом для Е.В. Антиповой в организации маленького русского клуба в Женеве. Когда в ноябре 1927 г. сюда из Праги для чтения лекций в университете приехал известный филолог, лингвист и педагог Сергей Иосифович Карцевский (1884–1955), редактор широко известного в эмиграции журнала «Русская школа за рубежом», Елена Владимировна немедленно обратилась к нему с просьбой взять на себя преподавание русского языка, русской географической истории и литературы для многочисленных женевских русских детей и их родителей, желавших сохранить в семье родной язык и культуру. Своему мужу Антипова сообщала: «Здесь он читает в качестве приват-доцента лекции о Толстом. Пока приехал временно, оставив семью свою в Чехии. Видимо, приехал прозондировать почву, так как в Праге грозит дело совсем плохо идти. Правительство чешское с каждым годом все более и более сокращает свои субсидии русским»²⁴.

И все-таки жизнь в благоустроенной Женеве была далека от идиллической. Письма Е.В. Антиповой тех лет полны горьких признаний. 19 июля 1926 г.: «Собираюсь “с моста в речку сигануть” <...>, конец года — усталость от жизни, неудач от отсутствия собственных сил»²⁵. 20 ноября 1926 г.: «Пишу Вам на открытке, потому что на письмо не хватило денег... Устаю от работы страшно, притащившись домой, отлеживаюсь около часа прежде, чем сделать что-нибудь другое. Похудела и постарела на несколько лет»²⁶. Однако природный оптимизм, востребованность и приязнь коллег спасали и здесь: «Постепенно приспосаблиюсь и привыкаю и поэтому сил трачу как будто последнее время меньше. И все идет хорошо»²⁷.

Помимо трудностей адаптации Антипову преследовали и проблемы визового режима. Как жена высланного из России она приехала в Женеву с паспортом, выданным в Германии на два года, срок действия которого истекал 17 октября 1927 г. Очень скоро Елена Владимировна оказалась, по собственному выражению, «между небом и землей»: германские власти не хотели продлевать паспорт, т. к.

²² НИОР РГБ. Ф. 358. К. 200. Д. 14. Л. 1–1 об.

²³ Там же. Д. 13. Л. 1. Письмо цитируется с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 33.

²⁵ Там же. Л. 21.

²⁶ Там же. Л. 24 об.

²⁷ Там же.

PREMIER TIRAGE (Juin 1927).

INSTITUT J. J. ROUSSEAU ÉCOLE DES SCIENCES DE L'ÉDUCATION

SUBVENTIONNÉ PAR L'ÉTAT ET LA VILLE DE GENÈVE

GENÈVE, 4, Rue Charles-Bonnet

XVIme ANNÉE

PROGRAMME DU SEMESTRE D'HIVER¹

22 octobre 1927 — 22 mars 1928

COURS ET CONFÉRENCES

- Université, salle 80 * **Psychologie expérimentale.** (M. Ed. Claparède).
— Cours 2 h. par semaine, lundi et mardi à 11 h. —
La vie affective ; sentiments, volonté.
- Laboratoire de Psychologie * **Psychologie générale.** (M. Claparède). — Conférence,
1 h. par semaine, le vendredi à 14 h.
- Laboratoire de Psychologie **La pensée de l'enfant.** (M. Jean Piaget, prof. à l'Uni-
versité de Neuchâtel). — Cours, 1 h. tous les quinze jours,
le samedi à 11 h.
- Laboratoire de Psychologie **Répertoire de pédagogie et psychologie,** tous les
quinze jours, le samedi à 11 h. (Obligatoire pour tous
les élèves réguliers).
- Laboratoire de Psychologie **Monographies d'enfants.** (Mme Antipoff). — Jeudi
à 9 h.
- Institut **Anatomie et Physiologie.** (Dr Weber-Bauler). —
Lundi de 9 à 11 h.
- Institut **Eléments de psychologie.** (M. Richard Meili, Dr phil.)
— Cours, 1 h. par semaine, vendredi à 15 h.
- Institut **Psychologie ouvrière.** (Mlle Butts). — Lundi à 10 h.
(à partir de janvier). — Cours 1 h. par semaine.

¹ Les cours de l'Ecole normale internationale d'éducation physique, avec laquelle l'Institut J. J. Rousseau sera en étroite collaboration, seront annoncés ultérieurement.

его обладательница de facto жила в Швейцарии, а швейцарские отказывали в выдаче международного паспорта беженца («нансеновского» — чтобы не нажить себе лишнего эмигранта). Для спасения ученицы от принудительной высылки профессор Клапаред неоднократно ходатайствовал у немецкого консула и в правительственных кругах Берна о продлении ее паспорта и визы. Но, несмотря на высокое покровительство, никто не мог поручиться, чем закончится эта история и не придется ли Антиповой покинуть Швейцарию.

Как многие эмигранты, Елена Владимировна искала любую определенность и ради постоянной профессиональной работы была готова отправиться едва ли не куда угодно. «Просила Клапареда дать мне командировку на будущий год в Египет в новый институт, который он основывает теперь там», — сообщала она мужу²⁸. Рассматривала Антипова и испанский вариант работы, и американский. Причем последний казался вполне приемлемым, т. к. оттуда она могла вернуться в Швейцарию: «Обещали меня подождать и принять во всякое время»²⁹. Немногие русские ученые-эмигранты могли похвалиться такой надежностью своих европейских тылов!

Перспектива странствовать и свободно передвигаться казалась заманчивой, «ибо ничто так не близко моей натуре, — писала Елена Владимировна, — как чувствовать себя свободной в пространстве и не знать межстранных границ» (цит. по: [Масоликова 2010, с. 370]). И когда в 1928 г. в Женеву приехал доктор Альберто Алвареш из Бразилии, подбиравший научный персонал для проведения реформы национальной образовательной системы, рекомендация профессора Э. Клапареда и собственная готовность Е.В. Антиповой отправиться через океан быстро решили дело — в 1929 г. она покинула Швейцарию.

Стоит отметить, что Бразилия и бразильская система психологического образования были хорошо известны в Институте Руссо. В 1928 и 1929 гг. в Белу-Оризонти уже работали Л.Г. Вальтер и Т. Симон. Сам профессор Э. Клапаред приезжал в Бразилию в середине сентября 1930 г. «К несчастью, — сообщала Антипова мужу, — попал во время революции. Застрял здесь, в Bello Horizonte, на целый месяц больше того, что предполагал; чувствовал себя здесь неважно, так как впервые пришлось испытать революционный режим. К счастью, ничего непоправимого с ним не случилось (чуть-чуть пуля его задела), и он благополучно вернулся в Женеву» (цит. по: [Там же, с. 376]). Действительно, для привыкших за четыре века к мирному спокойствию швейцарцев сложности бразильских реалий могли показаться избыточными. Неудивительно, что из всех сотрудников Института Руссо только пережившая русские революции и Гражданскую войну Елена Антипова решила остаться в Бразилии навсегда, передавая местным специалистам знания и методики, полученные в Швейцарии, и расширяя сеть интеллектуальных, персональных и институциональных контактов, сформированных вокруг женевского института.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 39 об.

²⁹ Там же. Л. 29.

«БОРЬБЫ ЗА КАЖДОГО ЖИВОГО»

Первая статья Е.В. Антиповой вышла в Женеве и рассказывала о лидере дореволюционной русской педологии А.П. Нечаеве, последняя — ровно через 60 лет, в 1973 г., была издана в Белу-Оризонти и посвящена учителю — женевскому профессору Эдуарду Клапареду. Эта символическая переключка через десятилетия неслучайна и отражает знаковую роль «учителя» в жизни и научной деятельности Е.В. Антиповой. Если учеба в Швейцарии и сотрудничество с Э. Клапаредом сформировали ее научные взгляды и транснациональные связи, то российский гимназический опыт определил мировоззрение и жизненную позицию. Швейцария подарила Антиповой покровительство и научное признание, Россия — поддержку коллег и горечь эмиграции.

Более четырех десятилетий подвижнической деятельности по спасению и интеграции «исключительных» и «нестандартных» в условиях бразильских военных политических режимов — отдельная многостраничная глава в истории жизни психолога Елены Владимировны Антиповой. Опираясь на духовные традиции российской интеллигенции и собственный опыт, она выстрадала убеждение, что социальный баланс в обществе достигается только тогда, когда оно предоставляет каждому человеку возможность для развития его личностного потенциала. В отличие от своей гимназической подруги Лизы Пиленко (матери Марии), избравшей путь христианского служения Богу и миру, Елена Антипова своим главным инструментом преобразования мира сделала образование и его институты.

В Бразилии Е.В. Антипова стала основателем множества образовательных институтов самого различного уровня — от кафедр психологии в университетах штатов Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро до сети сельских учебных учреждений для детей с особыми потребностями. Личным примером и высокопрофессиональной работой она убедила власть, общество, церковь и благотворительные организации в возможности и необходимости создания образовательных условий для роста и развития всех членов общества, в том числе, — а может быть, и прежде всего, — слабых и «отстающих». Приехав реализовывать чисто профессиональный проект, Елена Владимировна Антипова значительно трансформировала его, наполнив внутренней энергией служения обществу и идеалам социальной справедливости, и стала подлинным Учителем для многих поколений бразильцев.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

Акименко 2007 — Акименко М.А. Институт им. В.М. Бехтерева: От истоков до современности (1907–2007 гг.). СПб., 2007.

Андреев 2010 — Андреев А.Ю. Ф.С. Лагарп и разработка реформы народного просвещения в России // Российская история. 2010. № 6. С. 40–47.

- Аншакова 2002 — *Аншакова В.В.* Вклад А.П. Нечаева в становление и развитие возрастной и педагогической психологии. Астрахань, 2002.
- Афанасьева 1924 — *Афанасьева А.* Воспоминания о прошлом // Революционное юношество 1905–1917 гг. Л., 1924. Сб. 1. С. 92–111.
- Бондаренко, Честнова 2012 — 100 великих русских эмигрантов / сост. В.В. Бондаренко, Е.С. Честнова. М., 2012. С. 247–252.
- Быков 2012 — *Быков Д.* Мать Мария // Дилетант. 2012. № 5. С. 84–96.
- Воейкова-Ильина 2010 — «Нам не уйти от родины навеки...»: Дневники, письма, воспоминания Е.Д. Воейковой-Ильиной. М., 2010.
- Гундарин 2005 — *Гундарин О.Т.* Лев Семенович Таль: Жизнь и судьба российского правоведа // Правоведение. 2005. № 5. С. 218–229.
- Далин 1971 — *Далин В.М.* Юлия Яковлевна (Эйгер) Мошковская, 1892–1969 // Французский ежегодник. 1969. М., 1971. С. 338–339.
- Еленевская 1967 — *Еленевская И.Э.* Воспоминания. Б.м., 1967. По: http://www.sweden4rus.nu/lib/o_shvecii/text/irina_elenevskaja/vospominanija_chast_I.asp.
- Заря надежды 1982 — Заря надежды: Социал-демократические организации учащейся и рабочей молодежи Петербурга (1905–1909): Очерки; Воспоминания; Документы. Л., 1982.
- Кадневский 2005 — *Кадневский В.М.* А.П. Нечаев и становление экспериментальной педагогики в России // Педагогика. 2005. №. 1. С. 71–78.
- Карамзин 1984 — *Карамзин Н.М.* Соч.: в 2 т. Л., 1984.
- Макаренкова 2010 — *Макаренкова Е.М.* Экспериментальная педагогика России как научный феномен начала XX века. Рязань, 2010.
- Масоликова 2010 — «Энергичные, знающие интеллигенты — для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Владимировны Антиповой / пред., сост., подгот. текста и коммент. Н.Ю. Масоликовой // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. М., 2010. С. 363–384.
- Масоликова 2014 — *Масоликова Н.Ю.* «Бразильянка из Санкт-Петербурга»: психолог Елена Антипова (1892–1974) и ее вятские годы // Вятская земля в прошлом и настоящем: Сб. мат.-лов VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Киров, 20–21 ноября 2013 г.). Киров, 2014. С. 235–243.
- Масоликова 2015 — *Масоликова Н.Ю.* Метрополия и диаспора в жизни психолога Елены Антиповой (1892–1974): русские корни бразильской судьбы // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры: V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 29–31 марта 2013 г.). М., 2015. С. 229–242.
- Масоликова, Сорокина 2010 — Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 2: Психологические науки. XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010.
- Масоликова, Сорокина 2013 — *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Международный научный коллоквиум «Образование для всех и ученые-эмигранты: Наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2012. М., 2013. С. 634–640.
- Масоликова, Сорокина 2015 — *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Российские ученые-эмигранты в Латинской Америке: эффект Antipoffiana // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2015. Вып. 19: Наука русского зарубежья. С. 27–35.
- Мать Мария 2004 — *Мать Мария (Скобцова).* Красота спасающая: Живопись. Графика. Вышивка / авт.-сост. К.И. Кривошеина. СПб., 2004.

- Мать Мария 2015 — *Мать Мария (Скобцова)*. Встречи с Блоком // *Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева Е.Ю.)*. Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки. М., 2015.
- Образование для всех 2014 — Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России / сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2014.
- Парамонова 2010 — *Парамонова А.А.* Научные лаборатории и институты, проводившие психологические изучения ребенка в России в начале XX века // Вестник Екатеринбургского института. 2010. № 1. С. 52–64.
- Парамонова 2010а — *Парамонова А.А.* Открытие детства в России: Развитие научного знания о ребенке в истории отечественной психологии конца XIX — начала XX века. Ижевск, 2010.
- Романов 1996 — *Романов А.А.* А.П. Нечаев: У истоков экспериментальной педагогики. М., 1996.
- Ротенберг, Шабаетова 1960 — *Ротенберг В.А., Шабаетова М.Ф.* Связь И.Г. Песталоцци с Россией в первой четверти XIX в. // Советская педагогика. 1960. № 8. С. 117–132.
- Русские писатели 1992 — *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь*. М., 1992. Т. 2. С. 423–424 (авт. К.М. Поливанов, А.В. Чанцев).
- Соколов 2011 — *Соколов М.Н.* Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М., 2011.
- Сомов 2005 — *Сомов Е.* Таганцевы // Нева. 2005. № 6. С. 266–271.
- Сорокина 2010 — Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 1: Медицинские науки. XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2010.
- Сорокина 2011 — Российское научное зарубежье: Биобиблиографический справочник / ред.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011.
- Сорокина 2012 — *Сорокина М.Ю.* Линии судьбы: Однокурсники Владимир Вернадский и Петр Столыпин // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. М., 2012.
- Ушинский 2002 — *Ушинский К.Д.* Педагогическая поездка по Швейцарии // *Ушинский К.Д.* Проблемы педагогики. М., 2002. С. 296–415.
- Ушинский 2002а — *Ушинский К.Д.* Отчет о командировке за границу // *Ушинский К.Д.* Проблемы педагогики. М., 2002. С. 416–508.
- Эйгер-Мошковская 1990 — *Эйгер-Мошковская Ю.Я.* Надеждой бились юные сердца // Ленинградская панорама. 1990. № 11. С. 32–35; № 12. С. 26–29.
- Эткинд 1994 — *Эткинд А.М.* Эрос невозможного: История психоанализа в России. М., 1994.
- Antipoff 1913 — *Antipoff H.* Nos amis: M. Alexandre Netchajeff // L'Intermediare des Educateurs. 1913/1914. № 11. P. 9–13.
- Antipoff 1996 — *Antipoff D.* Helena Antipoff: Sua vida, sua obra. Belo Horizonte, 1996.
- Borges 2014 — *Borges Adriana Araújo Pereira* Entre tratar e educar os excepcionais: Helena Antipoff e a psicologia na Sociedade Pestalozzi de Minas Gerais (1932–1942). Tese. Belo Horizonte, Faculdade de Educação da UFMG, 2014.
- Bovet 1932 — *Bovet P.* Vingt ans de vie. L'Institut J.J. Rousseau de 1912 à 1932. Neuchâtel, 1932.
- Bühler et al. 1985 — *Bühler R., Gander-Wolf H., Goehrke C., Rauber U., Tschudin G., Voegeli J.* Schweizer im Zarenreich. Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. Zurich, 1985.
- Campos 2010 — *Campos R.H.F.* Helena Antipoff. Recife, 2010.
- Campos 2012 — *Campos R.H.F.* Helena Antipoff: Psicóloga e educadora — uma biografia intelectual. Rio de Janeiro, 2012.

- Campos 2012a — *Campos R.H.F.* Helena Antipoff: A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science // Pickren W., Dewsbury D., Wertheimer M. (eds.). Portraits of Pioneers in Developmental Psychology. N.Y., 2012. P. 51–66.
- Correspondance 2010 — Edouard Claparède, Hélène Antipoff. Correspondance (1914–1940) / ed. by M. Ruchat. Florence, 2010.
- Fayet 2014 — *Fayet J.-F.* VOKS: Le laboratoire helvétique. Histoire de la diplomatie culturelle soviétique durant l'entre-deux-guerres. <Genève>, 2014.
- Guski-Leinwand 2011 — *Guski-Leinwand S.* Aleksandr Nechayev (1870–1948) and Experimental Educational Psychology // Riha O., Fischer M. (eds.). Naturwissenschaft als Kommunikationsraum zwischen Deutschland und Russland. Aachen, 2011. P. 261–272.
- Leopoldoff 2014 — *Leopoldoff I.* A Psychology for Pedagogy: Intelligence Testing in USSR in the 1920s // History of Psychology. 2014. Vol. 17 (3). P. 187–205.
- Ruchat 2007 — *Ruchat M.* Engagement social et esprit de l'éducation nouvelle (1929–1940): Marguerite Soubeyran, Hélène Antipoff et Edouard Claparède // Histoire de l'éducation nouvelle. Les études sociales. 2007. № 145. P. 7–18.
- Tikhonov 2005 — *Tikhonov N.* Das weibliche Gesicht einer «wissenschaftlichen und friedlichen Invasion». Die ausländischen Professorinnen an den Schweizer Universitäten vom Ende des 19. Jahrhunderts bis 1939 // Jahrbuch für Europäische Geschichte. 2005. Bd. 6.
- Ziegler, Tikhonov 2005 — *Ziegler E.D., Tikhonov N.* (eds.). Les femmes dans la mémoire de Genève. Genève, 2005.